

Валерия Яблонцева

Брак с летальным исходом

Долгожданный брак с лордом Осси обернулся для меня настоящей трагедией. В день свадьбы мой супруг погиб при странных и нелепых обстоятельствах, а сама я оказалась в тюрьме по обвинению в его убийстве, убийстве с применением ментальной магии, что неминуемо карается смертной казнью. “Госпожа Фаринта Ридберг по прозвищу Черная вдова, пережившая уже четырех своих мужей, встретила свой конец в руках правосудия”, - об этом, вероятно, кричали бы заголовки всех городских газет на следующее утро.

Только вот моей казни не суждено было состояться. По старинному обычаю, позволяющему спасти приговоренную к смерти женщину, заключив с ней брачный союз, я стала женой лорда Майло Кастанелло, промышленника и мецената, одного из самых богатых и знатных людей города. Но будет ли брак с лордом Кастанелло лучше немедленной казни, если сам он более известен не заслугами перед городом и короной, а загадочными обстоятельствами, сделавшими молодого еще мужчину трижды вдовцом?

Точно настроенный часовой механизм завершил оборот, и кованный молоточек гулко ударил по колоколу, установленному в башне ратуши на площади. Бом. Час после полуночи.

Еще утром другие колокола звонили вовсю, оповещая жителей окрестных кварталов о свершившемся торжестве. Весело стучали по мостовой копыта четверки лошадей, а рядом с очаровательной молодой невестой, сидевшей в открытой карете, на белоснежном жеребце гарцевал, красуясь, сам жених. После церемонии был запланирован прием в честь бракосочетания лорда Эдвина Осей с госпожой Фаринтой Ридберг, урожденной Ллойд. А в столь поздний час молодые должны были давно скрыться в глубине хозяйской спальни, дабы скрепить свой союз на супружеском ложе.

И кто бы мог подумать...

Я расправила складки подвенечного платья. Туго затянутый корсет со множеством крючков на спине - специально предназначенный для того, чтобы новобрачную освобождали от него ловкие мужские руки - сковывал движения, вынуждая держать спину прямо. Матрас подо мной был жестким и неудобным, но я не нашла другого места, куда я могла бы сесть.

Светильника мне не оставили. Лишь лунные лучи проникали через узкое окно, ложась мелкими квадратами на пол. В холодном синеватом свете мои руки, лежавшие на коленях, по белизне могли соперничать с платьем.

Бом. Бом.

Я и не представляла, что день моей свадьбы закончится так. Не могла и помыслить, что проведу ночь не в объятиях любимого супруга, а в темной и сырой камере. Хмурые законники появились почти сразу же после того, как я, вдовствующая леди Осей, чей муж трагически погиб, упав с лошади прямо под копыта запряженной в карету четверки, затворила дверь особняка за последним из соболезнующих гостей. Раньше, чем я, слишком ошеломленная всем, что произошло, успела что-либо осознать, меня вывели через черный ход, затолкали в неприметную карету с занавешенными окнами и привезли в городскую тюрьму.

Сперва я тешила себя надеждой, что это хороший знак. Раз я здесь как свидетель, значит, законники ведут расследование, значит, Эдвина украл не несчастливый случай, а чей-то злой умысел или недосмотр. Тогда чей? Конюха? Но увлеченный наездник и страстный любитель лошадей, Эдвин всегда седлал коня сам... Разве что перед свадьбой было
не до этого...

Время шло, часы отсчитывали удары, и всколыхнувшееся было оживление таяло. Свидетеля не стали бы так долго держать в камере. Значит... Подозреваемая? Мог ли это быть не несчастный случай, а умысел? Разрезанная подпруга? Меткий выстрел, оставшийся незамеченным?
Яд? Кто-то убил Эдвина!

Мысль эта вспышкой пронзила усталый мозг, и не в силах больше сидеть на месте, я поднялась и начала ходить из угла в угол. Замечала ли я что-то за время подготовки к свадьбе? Волнение, беспокойство, признаки надвигающейся бури? Могли Эдвин, спокойный, рассудительный, всегда державшийся в стороне от грязных интриг,

оказаться вовлечен во что-то, что могло стоить ему жизни? Нет, нет и нет. Или все-таки да?

Часы на ратуше пробили три.

Изнеможенная, я вновь опустилась на жесткий матрас. Неужели законники оставили меня напоследок? Неужели я главная подозреваемая?
Но как... В двери камеры с грохотом повернулся ключ.

Двое молчаливых законников вошли внутрь, встав по обеим сторонам от двери и не спуская с меня настороженных взглядов. Накопительные кристаллы в пистолетах тускло светились сквозь кожу кобуры. Сложно было представить, какую угрозу видели законники в безоружной
девушке, но относились ко мне более чем серьезно.

Гулкие шаги в коридоре возвестили о приближении еще одного человека. Я бросила на него один лишь мимолетный взгляд, и все мои надежды, застывшие хрупкой льдинкой, разбились о каменный пол камеры. Высокий и сухой немолодой мужчина, затянутый в черную

форменную одежду судебных дознавателей - застегнутый на все пуговицы китель с высоким под горло воротничком, безупречно отглаженные штаны, черные сапоги - носил на лацканах печально известные каждому горожанину символы отдела магического контроля. И плотные кожаные перчатки сказали мне куда больше любых слов. Меня подозревали в применении запрещенной ментальной магии - магии, воздействующей на разум жертвы через физический контакт, кожа к коже. Глухая форма дознавателя должна была защитить его в случае, если я решилась бы на какой-либо отчаянный шаг, а охранникам, вероятно, было дано разрешение стрелять на поражение. В случае с ментальными магами никакая предосторожность не была лишней.

Только вот я менталистом не была.

Дознаватель устремил на меня пристальный взгляд блекло-серых, словно бы полинявших со временем, глаз. Лунный блик сверкнул на толстых стеклах очков законника, а лицо его в холодном свете приобрело неестественный, мертвенно-бледный оттенок. Сняв очки, он сунул их в нагрудный карман кителя и отступил в тень.

- Госпожа Фаринта Ридберг, - начал он, намеренно используя фамилию, которую я носила до сегодняшнего дня. Можно было лишь удивиться, как быстро законники и distinguished семейство Осей лишили меня любой связи с Эдвином, пресекая малейшую

возможность, что брак со мной бросит тень на их древний и уважаемый род. - Вас доставили в городскую тюрьму по обвинению в убийстве лорда Эдвина Осей, и мы имеем все основания предполагать, что на покойного было оказано ментальное воздействие.

Дознаватель продолжал говорить, но его слова слились для меня в один неразличимый шум. Убийство. Ментальная магия. Я просто не могла осознать того, что слышала. Не могла даже помыслить о подобном. Как мог кто-либо предположить, что у меня были причины пойти на подобное? Я не охотилась за наследством, не рвалась в высшее общество за счет выгодной партии. Я любила Эдвина. Любила...

Вспыхнувшее возмущение уступило место чувству глухой безнадежности. Дознавателям отдела магического контроля достаточно всего лишь подозрения в использовании ментальной магии, чтобы незамедлительно отправить жертву на костер. А значит, не будет ни расследования, ни суда. Я попросту обречена.

Мужчина сухо зачитал протокол вскрытия и показания коронера. Ран, признаков отравления или какого-либо иного воздействия немагического характера не было обнаружено.

- Покойному лорду Осей следовало задуматься, прежде чем предлагать брак трижды вдове, - произнес дознаватель с презрительной гримасой. - Зная вашу репутацию...

Я вздрогнула. Казалось бы, я проходила через это неисчислимое количество раз. Сколько уже было шепотков и слухов, которыми городские сплетницы обменивались за моей спиной?

«Почему бы ей не выйти за начальника городской стражи? Тот еще тип, никто плакать не станет».

«Фаринта, душечка, а можете и для моего зелья какое сварить?»

Ну, вы понимаете...»

Пора было привыкнуть. Но так и не вышло.

- Мы подняли некоторые документы, касающиеся вас, - продолжил мужчина. - И, надо признать, обнаружили много любопытного. Господин Ридберг, ваш третий муж, трагически погиб во время травли вепря. Заядлого охотника разорвали его собственные любимые псы. По рассказам домочадцев, это были идеально вышколенные звери, обожавшие его до щенячьего визга. А вот господин Честер, ваш второй супруг, отравился на вечере карточных

игр, куда он пришел вместе с вами. Интересная смерть для мужа женщины, занимающейся изготовлением зелий.

Мне доводилось слышать и такое. Даже те, кто присутствовал на том злополучном вечере, в один голос утверждали, что видели торжествующую улыбку на моем лице, когда я бросилась к умирающему в тщетной надежде ему помочь.

О гибели третьего мужа я предпочитала не вспоминать вовсе.

- Я прошла обучение на помощника аптекаря лишь в прошлом году, - устало возразила я, но дознаватель оставил мои слова без внимания.

- Со сведениями касательно вашего первого супруга пришлось повозиться. Но кое-что найти, все же, удалось. Желаете послушать об этом?

- Нет, - поспешно ответила я.

- Как пожелаете, - дознаватель равнодушно пожал плечами. - Три убийства или четыре - в вашем случае, не все ли равно. Все они далеки от трагических случайностей, - он сделал ударение на последних словах, - которыми вы, вероятно, хотели бы их представить. Удивительно, что вы не привлекли внимание представителей отдела магического контроля раньше.

Не дав мне вставить ни слова, законник откашлялся и произнес, громко и четко.

- Госпожа Фаринта Ридберг, вы обвиняетесь в убийстве лорда Эдвина Осей, а также в убийстве господина Грэхема Ридберга, господина Лайнуса Честера и почтенного господина Веритаса посредством ментального воздействия. Как вам известно, использование подобного рода магии карается смертной казнью. Вас сожгут на рассвете на ратушной площади.

Огласив приговор, дознаватель повернулся, не дожидаясь моей реакции, и, заложив за спину руки в толстых перчатках, вышел из камеры. Молчаливые охранники последовали за ним. Дверь захлопнулась с громким стуком, и он показался мне похожим на выстрел, пронзивший навывлет.

Я обхватила себя руками, силясь унять дрожь. Все кончено. Эдвин, человек, которого я любила, был моей робкой надеждой на счастливую жизнь. Надеждой, которую судьба жестоко и безжалостно

отняла, растоптала копытами по каменной мостовой. Я не успела еще в полной мере осознать случившееся, и, вероятно, мне уже не представится такой возможности.

Может, оно и к лучшему.

Городская тюрьма, одно из старейших зданий в городе, была устроена из рук вон плохо. От стен шел промозглый холод, и тонкий шелк платья не согревал озябшего тела. Я видела, как от моего дыхания в воздухе образуется облачко пара. Тепло, казалось, уходило вместе с самой жизнью. У меня не было сил его удерживать.

Я словно бы замерла, застыла, холодная и бледная как восковая кукла. Казалось, все мои чувства, все мое существо сковало ледяной коркой. Такой, бесчувственной и замерзшей, я могла только ждать разрешения, развязки.

Погруженная в себя, я просидела на кровати без движения до самого рассвета, глядя, как постепенно становятся ярче квадраты света, проникающего внутрь через зарешеченное окошко. Часы на площади, где, верно, уже шли приготовления к моей казни, пробили сначала четыре, затем пять раз. Незадолго до шестого удара в камеру вошли уже знакомые мне законники в сопровождении крупной высокой женщины, также одетой в форму дознавателей. Через ее руку было перекинута грубое серое рубище - тратиться на одежду для тех, кто в скором времени будет сожжен, в судебном управлении считали излишним.

Коротко переглянувшись, законники повернулись и вышли из камеры. Повыше натянув перчатки и поправив воротничок, женщина подошла ко мне и, заковав мои руки, приказала повернуться спиной. С трудом заставив двигаться окоченевшие ноги, я покорно поднялась. Сейчас мне, верно, было все равно, кого служители закона выбрали для того, чтобы переодеть меня - женщину или мужчину. Но видеть здесь законницу было все же немного приятнее. Мне не отказали хотя

бы в такой малости, оставив некое подобие достоинства.

Женщина сноровисто расстегнула корсет, стараясь как можно меньше соприкоснуться с моей обнаженной кожей. Вцепившись железной хваткой в мои запястья, она, отстегнув сначала один наручник, а затем другой, стянула вниз кружевные рукава. Последняя, пусть даже столь тонкая преграда между кожей и холодным зимним воздухом исчезла, и я почувствовала себя совершенно незащищенной.

Женщина положила руки мне на талию и грубо дернула юбку вниз, освобождая меня от платья.

- Шаг вперед, девочка, - сказала она. - И туфельки тоже придется снять. Я послушно выскользнула из белого круга шелка, оставив в центре

расшитые мелким жемчугом белые туфли. Совершенно невпопад промелькнула мысль, что через некоторое время - как знать - это же самое платье горожане увидят уже на другой невесте. Интересно, известно ли городскому магистрату, что тюремное начальство приторговывает одеждой и имуществом приговоренных к казни?

Впрочем, я не доживу до того, чтобы это проверить.

- Вытяни руки, - приказала законница.

Рубище, предназначенное для узников, было скроено так, что надевать его можно было, не снимая наручников. Просунуть голову в горловину, опустить два куска ткани спереди и сзади, перепоясать на талии - и готово. Углядев в моей свадебной прическе гребень с драгоценными камнями, женщина потянулась было вытащить его. Последний подарок Эдвина, еще оставшийся у меня, лишенной привычного мира, одежды, защиты, всего человеческого. И я, собрав последние силы, с неожиданным для себя порывом дернула головой, уворачиваясь от рук законницы, и отскочила в сторону так, чтобы оказаться к ней лицом.

Женщина отшатнулась, словно увидела в моих глазах что-то жуткое и безумное. Ругнувшись себе под нос, она бросила на меня злобный взгляд, но не решилась еще раз протянуть руку.

- Вперед. И помалкивай.

Моя стража, ожидавшая за дверью, встала по обе стороны прохода, пропуская сначала законницу с моим платьем и туфлями в руках, а затем и меня. Мы долго шли по коридорам, пока не оказались во внутреннем дворе, где меня ждала закрытая карета, похожая на ту, в которой я прибыла сюда. Внутри уже сидел дознаватель.

Я постаралась занять противоположный угол как можно дальше от него. Босые ноги совершенно околели от прогулки по камням и заснеженному крыльцу. Я попробовала хоть как-то прикрыть их своим

жалким рубищем, но под тяжелым взглядом дознавателя прекратила
бесплодные попытки.

«Ничего, скоро согреюсь», - мелькнуло в голове. Мысль эта
показалась мне настолько дикой, что
я не удержалась от улыбки.

- Не вижу в вас раскаяния, Фаринта, - проговорил дознаватель,
скривившись в презрительной
гримасе.

*

На ратушной площади все было готово к казни. В воскресный
день посмотреть на сжигание Черной вдовы и злокозненной магички
собралась приличная толпа, и законникам пришлось немало
потрудиться, прежде чем удалось расчистить проход к помосту и
сложенному рядом костру. Я плелась позади дознавателя, и вслед мне
летели гневные выкрики. Нашлись и желающие поупражняться в
метании камней и тухлых овощей, но до меня долетело едва ли пара
клубней. Зато когда тухлое яйцо
от особо меткого горожанина
приземлилось аккуратно под ногами законника, обдав его начищенные
сапоги тучей вонючих брызг, охрана тут же уgomонила особенно
буйных зевак, и остальные предпочли ограничиться сквернословием.

Дознаватель занял место на помосте. Палач, который ожидал меня
рядом с костром, помог мне подняться. Так же, как и все остальные,
кто знал о приговоре, он старался как можно меньше прикасаться к
моему телу, не скрытому рубищем. Я забралась столь высоко, что
оказалась на сложенных поленьях практически вровень с помостом.
Поверх выплеснувшегося на площадь моря людских голов я видела
каменную ратушу, во все стороны от которой расходились неширокие
улучки.

За годы, проведенные в городе, я хорошо изучила каждый
проулок. Невдалеке виднелась крыша аптеки, где я работала после
окончания обучения, рядом стоял дом, выкупленный мною на деньги
Ридберга. Чуть поодаль торчали голые кроны деревьев городского
парка, где Эдвин впервые признался мне в любви. А познакомились
мы с ним в кофейне напротив ратуши. Я и сейчас видела, как ветер
раскачивал ее деревянную вывеску.

Дознаватель что-то говорил, люди поворачивались друг к другу,
перешептывались, напоминая о рокоте моря, его темных беспокойных
водах.

А я смотрела только вперед, не отрывая взгляда слезящихся глаз
от поднимавшегося над черепичными крышами солнца. День был

ясным, и зимнее небо, прозрачно-голубое, расчерчивали тонкие
вертикальные полосы дыма,

поднимавшегося из многочисленных труб.

Картина эта казалась мне безмятежно прекрасной, и от открывавшегося передо мной вида щемило сердце.

- И сегодня справедливость, наконец, восторжествует, - ворвался в мои мысли голос дознавателя. - Нечестивая магичка будет предана огню, и ее тлетворная магия сгорит в пламени вместе с ней.

Толпа одобрительно загудела.

Палач с зажженным факелом в руке подошел к костру.

Солнце, яркое на безоблачном небе, равнодушно освещало площадь.

- Господин законник, а как же древний обычай? - раздался откуда-то из толпы голос, показавшийся мне смутно знакомым.

Дознаватель, палач и я одновременно заскользили взглядами по головам людей, выискивая крикуна. Я заметила его первым, и все внутри сжалось от узнавания. Господин Кауфман, аптекарь, у которого я работала, стоял, глядя на законника прямо и строго. Отчасти я была счастлива увидеть здесь хоть одно знакомое лицо. Но с другой стороны мне бы не хотелось, чтобы добрый старик становился свидетелем моей казни.

- Как же обычай, господин законник? - повторил Кауфман. - Ежели найдется мужчина, желающий жениться на несчастной, приговоренной к смерти, и взять на себя полную ответственность за ее жизнь и дальнейшие действия, то казнь будет отменена.

Надежда, глупая и бессмысленная, вспыхнула в душе ярче костра, на мгновение согрев мое заочневшее тело. И тут же угасла, столкнувшись с суровой реальностью. Кто же решится взять в жены четырежды вдову?

Дознаватель, наконец, увидел аптекаря, и губы его искривились в насмешливой улыбке.

- Все верно, уважаемый господин... Кауфман, верно? Аптекарь. Уж не хотите ли вы сказать, что сами готовы взять в жены свою бывшую помощницу? Да будет вам известно, двоеженство в нашей стране запрещено.

В толпе раздалась редкие смешки. Аптекарь нахмурился, чуть смутившись, но не отвел взгляда.

- Хорошо, будь по-вашему, - произнес дознаватель. - Кто из вас, храбрецы, согласится жениться на этой женщине, осужденной за убийство четырех мужей? Есть ли желающие расстаться с жизнью, ощутив на себе смертельную хватку ментальной магии? Может быть, вы? Или вы? Может быть, вы, палач?

Мужчина равнодушно дернул плечом.

- Да как по мне, ей и тут хорошо, - пробасил он, показывая на костер. Собравшиеся на площади люди поддержали его одобрительным хохотом.

Законник, вытянув вперед тонкую руку, указывал то на одного, то на другого мужчину из толпы, специально выискивая самых отъявленных забияк. Те отшатывались, бледнели, мотали головой, а затем с удвоенной силой принимались кричать, распаляя остальных:

- Сжечь! Сжечь ведьму! Дознаватель торжествующе улыбнулся.

- Как видите, господин Кауфман, никакой древний обычай не вытащит эту женщину из рук правосудия. Можете приступать, - кивнул он палачу.

Палач с зажженным факелом шагнул ближе. Я вдохнула полной грудью морозный воздух, понимая, что это, возможно, один из последних вдохов в моей жизни.

- Я готов.

Звучный низкий голос разнесся по площади, мгновенно заставив всех до единого замолчать и обернуться. Прищурившись, я различила высокую фигуру в темном плаще, стоявшую почти у самой ратуши рядом с отполированным до блеска самодвижущимся экипажем. Мужчина медленно двинулся вперед к помосту, и горожане расступались перед ним, взволнованно перешептываясь. Он не показался мне знакомым, но я увидела, как господин Кауфман кивнул ему, когда мужчина проходил мимо.

Незнакомец остановился прямо передо мной и дознавателем.

- Лорд Майло Кастанелло, - сухо приветствовал его законник. - Не могу сказать, что я удивлен.

Я с трудом сдержала вскрик.

Лорд Кастанелло, промышленник, меценат и талантливый изобретатель, не мог не привлекать внимания общества. Но предметом горячих споров и сплетен в клубах и гостиных были вовсе не его успехи и заслуги перед городом и короной, а загадочные

обстоятельства, сделавшие этого молодого еще мужчину трижды вдовцом.

Может ли брак с человеком, сведшим в могилу всех своих жен, быть предпочтительнее смерти? Или это лишь отсрочка?

Увидев мою реакцию, лорд Кастанелло еле заметно скривился, но

затем
дознавателю.

вновь повернулся к

- Согласно обычаю, я имею право взять эту женщину в жены.
- Ваше поместье стоит на землях, не входящих в городское управление, а, значит, городские обычаи на вас не распространяются, - сощурился законник.
- Не припомню, чтобы это смущало сборщиков налогов.

Дознаватель замялся. К такому повороту событий он, казалось, не был готов.

- Вам известно, за какие преступления должны казнить эту женщину? -поинтересовался он.
- Разумеется, - равнодушно произнес лорд.
- В таком случае, не думаю, что магистрат одобрит такое решение.
- Честно говоря, не вижу причин для отказа. В конце концов, я беру на себя ответственность за все последующие поступки этой женщины и избавляю службу магического контроля от ненужной головной боли. И прошу вас поторопиться, господин законник, - бросив короткий взгляд на вынутые из нагрудного кармана часы, добавил он. - Мне бы хотелось уладить все формальности до обеда.

Толпа застыла в молчании, стараясь не пропустить ни звука из происходящего у помоста. Для них то, как один из самых богатых и знатных людей города спорит с представителем отдела магического контроля, известного своей принципиальностью, было не менее интересно, чем сожжение магички.

И, в конце концов, многие понимали, что брак с лордом Кастанелло мало чем отличается от казни.

- Хорошо, будь по-вашему, лорд Кастанелло, - неохотно уступил дознаватель. - Я распоряжусь, чтобы вас немедленно приняли в магистрате. Будьте готовы подписать соответствующие бумаги.

Лорд Кастанелло еще раз взглянул на часы.

- Подъеду через час, - кивнул он. - Приведите мою жену. И оденьте ее во что-нибудь более соответствующее погоде.

С этими словами лорд развернулся и уверенно направился в сторону своего экипажа, провожаемый изумленными взглядами горожан, собравшихся на площади. Дознатель посмотрел на меня с нескрываемым презрением.

- Снимите ее отсюда, - распорядился он, кивая на костер.

Палач распутал веревки, грубо дернув запутанный узел. Окоченевшие ноги не могли более удерживать мой вес, и я чуть ли не кубарем скатилась на каменную брусчатку, поскользнувшись на сложенных поленьях. Дознаватель сделал знак рукой паре охранников, стоявших ближе всего к помосту. Подхватив меня за руки и вздернув вверх, законники практически поволокли меня в сторону ратуши, следуя за дознавателем. Разочарованные зеваки расходились по домам.

*

Первый этаж ратуши занимал дежурный пост законников. После коротких переговоров с находившимися внутри служащими, меня втолкнули в небольшую комнату, и я сразу же бросилась к горевшему там камину. Накопительный кристалл, подсоединенный к сетке раскаленных проводов, тускло светился, отдавая последние крохи энергии, но мне было достаточно и этого. Я вытянула вперед скованные руки, стараясь хоть немного согреться.

Одна из женщин, работавших в ратуше, возникла на пороге и, не подходя ближе, повесила на краешек стула, стоявшего ближе всего к дверям, черное форменное платье и чулки, а рядом поставила невысокие черные сапожки. Я удивленно приподняла брови.

- Ничего другого нет, - ответила законница.

Мне показалось, что господин дознаватель это оценит.

- Вот, наденьте, - она бросила мне плотные черные кожаные перчатки. - Когда закончите, я раскую вас на время, чтобы вы могли одеться. И не вздумайте делать глупостей. За дверью охрана, и я успею подать сигнал.

Я пожала плечами, вытягивая вперед руки жестом, который уже грозил стать привычным. Женщина отперла замок наручников и отошла, не мешая мне заняться платьем.

С преувеличенным старанием я привела себя в порядок, застегнувшись на все пуговицы до самого воротника-стойки. Законница оказалась настолько любезна, что подождала, пока я

переберу волосы и вновь заколю их гребнем, зачесав в более высокую и плотную прическу, схожую с теми, которых требовали от своих служащих-женщин настоящие законники. Теперь от женщины, стоящей в дверях комнаты, меня отличали только наручники.

Мы вошли в комнату отдыха служащих ратуши. Оглядев меня с ног до головы, дознаватель недовольно поморщился. Я встретила его взгляд спокойно и невозмутимо.

- Что, ничего другого не нашлось? - кисло поинтересовался он.

- У нас тут не магазин готового платья, господин дознаватель, - буркнул один из дежурных законников. - Скажите спасибо, что отыскиали хотя бы это. Вы же, кажется, торопитесь.

Дознаватель поджал губы, но не нашел, чего возразить. Не говоря ни слова, он вышел из комнаты, а следом за ним повели и меня.

*

- Так значит, вы решили снова жениться, Майло? - глава городского совета, плотный немолодой мужчина с неожиданно цепким и пронизательным взглядом, развалился в своем кресле, лениво перебирая бумаги, лежавшие у него на столе. - Надо признать, вы выбрали для этого не самый обычный способ.

- Почему бы и нет, - лорд Кастанелло вертел в руках часы, то открывая, то закрывая крышку. - Я деловой человек, у меня нет времени на глупости и расшаркивания вроде сватовства и ухаживаний.

- Но ведь речь идет о преступнице, - не удержавшись, подал голос господин дознаватель. И добавил, повернувшись к главе городского совета, - лорд Ранье, я настаиваю, чтобы эта женщина была казнена.

- Вам-то от этого какой прок, - поморщился тот. - Только казну растрачиваете на эти, - он мотнул головой в сторону окна, - представления.

Я не принимала участия в беседе, стоя под надзором двух охранников и украдкой поглядывая вниз через узкое стрельчатое окно, где на площади законники, размером не больше булавочной головки, разбирали помост и костер. Некоторые из горожан пошустрее тоже принимали участие в процессе, растаскивая доски на дрова для обогрева домов и лавок.

- Обычай брать в жены женщин, приговоренных к смертной казни

- просто пережиток прошлого, - продолжил дознаватель. - Да о нем добрую сотню лет и не вспоминал никто.

- Насколько мне известно, господин законник, - лениво возразил лорд Кастанелло, - этот обычай так и не отменили. А значит, я вправе взять в жены госпожу, - он замолчал и поморщился, словно бы только что осознал, что не запомнил моего имени. Или не потрудился узнать.

- Да бросьте, Майло, - добродушно отозвался городской глава. - Если вам так уж хочется жениться, у меня есть племянница, как раз вошедшая в брачный возраст. Могу похлопотать за вас перед её родителями.

- Благодарю, Сайрус, не стоит, - отмахнулся лорд. - Разве я, как благородный человек, могу бросить прекрасную женщину в беде?

Он повернулся ко мне и посмотрел внимательно, в упор, без тени улыбки. Хотя он и назвал меня «прекрасной женщиной», в этом его взгляде не было ни капли мужского интереса, ни капли восхищения женской красотой. Лорд Кастанелло смотрел холодно, настороженно и цепко, с едва уловимой толикой неприязни, как смотрят на змею, у которой необходимо собрать яд для приготовления целебной настойки.

Лорд Ранье хлопнул в ладоши, привлекая внимание.

- Что ж, раз так, не буду отказывать вам в такой малости, мой друг.
Но предупреждаю заранее, все вопросы по

делу госпожи Фаринты

Ридберг, - городской глава многозначительно посмотрел на лорда Кастанелло, - уже улажены, ее имущество передано в собственность городской казны. То же касается ее лицензии зельевара и разрешения на работу. Так что не жди за невестой приданного. Кстати, душечка, - внезапно обратился он ко мне, - леди Осей интересовалась судьбой их фамильного гребня. Не будете ли столь любезны...

- Сайрус, оставь девушку в покое, - поморщился лорд Кастанелло.

- Сдался тебе этот гребень. Скажи, что потеряли при обыске, пусть потом твоя почтенная леди трясет господ законников. Уверен, она непременно обнаружит у них что-нибудь, стоящее внимания. Что до приданного, в нем нет необходимости. Ты прекрасно знаешь, что в средствах я не нуждаюсь, а лишний рот меня не обременит.

Я вновь отвернулась к окну, сиюсь скрыть ярость и разочарование. Все, чего я с таким трудом добилась, все до последней монеты, в один миг оказалось потерянным. Когда-то я пришла в город, сжимая в руках чемоданчик с одной лишь сменой платья, и сейчас вынуждена буду покинуть его, имея едва ли больше, чем тогда. И с

кем? С человеком, чье «благородство» имеет столь ярко выраженный привкус унижения.

Да провалился бы вовсе этот гребень вместе с леди Осей и всеми законниками, вместе взятыми! Если бы только мне разрешено было оставить лицензию зельевара! Тогда всего-то и нужно было бы сбежать от ненавистного лорда, для которого я в лучшем случае лишний рот, а в худшем - очередная несчастная жена, которой, возможно, суждено сгинуть без суда и следствия. Сбежать - и отправиться как можно дальше. Быть может, к морю...

Мои размышления прервало деликатное покашливание городского главы.

- Нужна ваша подпись, душечка. Здесь брачный контракт и документы, подтверждающие ограничение ваших прав в пользу лорда Кастанелло. Все будет заверено соответствующим артефактом, так что искренне не советую нарушать пункты договора. В противном случае, сожжение на костре покажется вам куда более милосердной

альтернативой.

Лорд Кастанелло уже успел подписать все необходимые бумаги, и теперь договор пододвинули ко мне. Глава городского совета протянул перо, на кончике которого светилась капля чернил. Я расцепила пальцы, чтобы взять его, и только сейчас заметила, насколько сильно, до вмятин на толстой коже перчаток, впивалась ногтями в свои ладони.

- Понимаю, с наручниками не очень-то удобно, - лорд Ранье сочувственно вздохнул, глядя, как я пытаюсь обмакнуть перо в магические чернила. - Но, надеюсь, вы простите нас за этот временный дискомфорт. Поставьте подпись - и тогда уже ваш муж будет решать, нужно ли физически ограничивать вашу свободу. В конце концов, согласно древнему обычаю, ему предстоит нести полную ответственность за ваши поступки.

Пробежавшись глазами по документам - полное подчинение супругу, невозможность покидать земли лорда Кастанелло без его ведома и надлежащего сопровождения, невозможность работать, обязательная ежемесячная проверка службой магического контроля - я мысленно попрощалась со свободой и расписалась, воспользовавшись старой фамилией.

Фаринта Ридберг.

Теперь леди Фаринта Кастанелло.

- Раз с формальностями покончено, объявляю вас мужем и женой,
- с легкой издевкой произнес лорд Ранье. - Можете поцеловаться.
- Эту часть мы, пожалуй, пропустим, - ответил лорд Кастанелло, и
я была с ним полностью солидарна.

Лорд в последний раз щелкнул крышкой часов и сгреб документы,
не дожидаясь, пока высохнут чернила.

- Ну вот и отлично, - он поднялся на ноги. - Снимите с леди наручники, и мы покинем вас. У меня еще много дел, а я и без того отстаю от графика.

Дознаватель с непередаваемой гримасой отпер замок и повесил наручники себе на пояс. Взамен на мое запястье был надет браслет с россыпью светящихся кристаллов - печать, одновременно скрепляющая договор и обеспечивающая его выполнение. Браслет выглядел совершенно новым, и у меня промелькнула мысль, что именно за ним и уезжал лорд Кастанелло в тот час, что прошел с момента его отъезда с площади до прибытия в кабинет главы городского совета.

- Вам несказанно повезло, Фаринта, - обронил дознаватель, в упор глядя на меня. - И я сделаю все, чтобы выяснить причину этого везения.

- Будьте добры все вопросы впредь обращать ко мне, - оборвал его мой супруг.

- И прошу нас извинить, я спешу.

*

Когда мы вновь оказались на улице, ратушная площадь уже успела приобрести свой привычный вид. Место помоста заняли лавочки торговцев, предлагавших горячее вино и сладкую сдобу, уличные кофейни выкатили наружу столики и кресла, на которых высились стопочками теплые пледы, предлагавшиеся гостям, чтобы те могли насладиться кофе на свежем воздухе. Люди прогуливались, торговались, наполняли корзины, обсуждали последние сплетни за кружкой вина. Чья-то лошадь, запряженная в открытую повозку, испуганно отшатнулась при виде проскочившего по переулку самодвижущегося экипажа, опрокинув часть груза на мостовую, и теперь торговец ожесточенно спорил с извозчиком, выясняя, кто из двоих будет расплачиваться за убытки.

Шла обычная жизнь, знакомая до последней мелочи. Такая, какую я уже и не чаяла увидеть.

- Наденьте это, - обрывая мои раздумья, лорд Кастанелло снял с себя плащ и протянул мне. Как раз вовремя: стоило нам выйти из ратуши, как холод вцепился в меня с новой силой. - Если меня увидят в компании законницы, это может плохо сказаться на деловой репутации. А выяснять, настоящая вы или просто носите похожее платье, никто не станет.

- Другого не было, - зачем-то ответила я, кутаясь в плащ. - И оно не похожее, оно точно такое же.

Лорд Кастанелло открыл передо мной дверцу экипажа, пропуская вперед, а затем сам сел с противоположной стороны и похлопал водителя по плечу, приказывая трогаться. Мужчина вставил узкий кристалл в разъем у руля, и по приборной панели синими змейками растеклась магическая энергия, посылая заряд двигателю экипажа. Я ощутила низкую вибрацию мотора. Машина сорвалась с места, лихо обогнула торговца и извозчика, все еще размахивающих руками около разбитых ящиков и переминающейся с ноги на ногу лошади, и понеслась по узким улицам прочь от места моей несостоявшейся казни.

В полумраке салона я украдкой, едва повернув голову, разглядывала лорда Кастанелло. Его прямой профиль с едва заметной горбинкой носа четко очерчивался на фоне окна. Легкая щетина, зачесанные на бок темные волосы, шейный платок, повязанный с нарочитой небрежностью, дорогая рубашка и костюм, сшитый явно на заказ, дополняли образ состоятельного делового человека. Он сидел, листая бумаги, вынутые из кожаного портфеля, стоявшего у него в ногах. Чему-то хмурился, постукивал пальцем по выведенным

строчкам, несколько раз проверял время по уже знакомым мне карманным часам. Сейчас мне было заметно легкое свечение, исходившее от их корпуса. Часы оказались не обычным - пусть и дорогим из-за своей золотой оправы - механическим изделием, требующим ежедневного завода, а артефактом тонкой ручной работы, вещью, стоившей баснословных, немыслимых денег.

Поймав мой заинтересованный взгляд, лорд Кастанелло захлопнул крышку часов и повернулся ко мне.

- У меня есть дела в городе, - сообщил он. - Подождете в экипаже, а после отправимся в поместье. Я дал распоряжения насчет ужина.

Моего согласия тут явно не требовалось, но я все же кивнула.

Я плотнее запахнула полы плаща, чтобы хоть как-то согреться. За окном мелькали дома и бульвары, мы покидали центр, приближаясь к деловой части города. Мой взгляд скользил по лицам прохожих и стоящим у обочины каретам, ни за что не цепляясь. Все сливалось в единый пестрый поток, текущий нам навстречу.

Внезапно где-то сбоку всхрапнула лошадь, и этот звук вывел меня из полузабытья. Я вздрогнула, прижавшись к окну.

Экипаж сбросил скорость перед поворотом на боковой проулок, и я увидела, как вокруг оседланной лошади без всадника суетятся прохожие, окружив животное плотным кольцом. Я не могла разглядеть, что случилось с всадником, но масть лошади и приметную серую звездочку на морде узнала безошибочно, и сердце сжалось, а затем забилось отчаянно и гулко. Подскочив на сидении так, что потемнело в глазах, я прошептала:

- Остановите.

- Что случилось? - раздался негромкий голос лорда Кастанелло.

- Какого-то бедолагу сбросила лошадь, милорд, - равнодушно откликнулся водитель. Я услышала, как снова зашуршали листы - лорд вернулся к просматриванию бумаг.

- Остановите! - простонала я уже громче. Водитель свернул на обочину.

Меня трясло. Казалось, все чувства, что я усилием воли сдерживала внутри, решили разом вырваться наружу. Я вдохнула - прерывисто, рвано. В горле словно ком стоял - разрастающийся, разбухающий ком.

- Что с вами? - спросил лорд Кастанелло.

Я дернула ручку двери, но та не поддавалась.

- Там Эдвин, - со всхлипом выдохнула я.

Эдвин... Ну почему, почему он не мог, как этот франт Кастанелло, поддаться моде и купить баснословно дорогой самодвижущийся экипаж? Зачем решил ехать верхом? Я как наяву ощутила, как тряхнуло тогда карету, как гулко вскрикнул кучер, как завывла-застонала почтенная леди Осей, мать Эдвина, ехавшая чуть позади в открытом экипаже. Я вновь потянула за ручку, отчаянно желая

выскочить наружу и броситься туда, где лежал упавший с лошади всадник.

Моего лба коснулась рука в тонкой кожаной перчатке. Вторая рука перехватила запястья, вынуждая откинуться на сиденье.

- У нее жар, - слова лорда слышались как сквозь толщу воды, едва доходя до сознания.

Я дернулась еще раз, но хватка у лорда Кастанелло была крепкой.

- Едем домой, - коротко бросил он водителю, и экипаж тут же тронулся. Я обернулась к лорду, чтобы хотя бы попытаться уговорить его вернуться, но перед глазами все расплывалось. Сознание покинуло меня, и последним, что я услышала, погружаясь в беспамятство, был шорох листов, соскользнувших вниз с колен лорда Кастанелло.

*

Я приходила в себя медленно, выплывая из забытья, где снова и снова переживала смерть Эдвина. Тело, ослабленное лихорадкой, не слушалось, голова казалась тяжелой, налитой свинцом.

В полубреду мне виделись неясные силуэты людей, приходивших и уходивших, осматривавших меня, о чем-то негромко переговаривавшихся. Одним из них, как мне казалось, был сам лорд Кастанелло. Он выглядел то ли озадаченным, то ли недовольным: брови нахмурены, губы сжаты в тонкую линию. Другой мужчина

-вероятно, доктор - что-то говорил ему, но я не могла разобрать слов.

С трудом открыв глаза, я обнаружила, что лежу в незнакомой комнате на кровати, накрытая по самый подбородок пуховым одеялом. Полог был одернут, так что можно было разглядеть в дальнем углу массивный шкаф да небольшой столик, на котором стоял стакан, кувшин с водой и несколько баночек с порошками и таблетками.

Потянувшись за стаканом, я обнаружила, что меня переодели в ночную рубашку из тонкого хлопка, оставив, однако, перчатки, которые я получила в ратуше перед встречей с лордом Кастанелло и главой городского совета. Что ж, удивляться было нечему: мало кто решится

так запросто прикасаться к женщине, обвиняемой в использовании ментальной магии.

Воспоминания о последних полутора сутках, что я провела на ногах перед тем, как сдаться лихорадке, вызванной холодом и нервным истощением, постепенно возвращались, вызывая в голове болезненные

спазмы. Заставив себя приподняться на подушках, я налила стакан воды, и, отыскав среди баночек болеутоляющий порошок, отмерила себе нужную порцию, предварительно убедившись по вкусу и запаху, что он приготовлен верно. Даже столь нехитрое действие потребовало от меня всех накопленных сил, и, вернув стакан на столик, я сползла вниз, надеясь поспать еще немного.

В дверь деликатно постучали.

- Войдите, - отозвалась я. Голос звучал хрипло, надтреснуто. Горничная, невысокая женщина средних лет, проскользнула в комнату, неся

горячую грелку.

- Миледи, - она чуть присела в реверансе и, не дожидаясь ответа, опустила у изножья кровати. Я наблюдала, как женщина ловко вытаскивает остывшую грелку и меняет ее на новую, и не могла решить, стоит ли заводить с ней разговор.

Закончив свою работу, горничная окинула меня равнодушным взглядом.

- Обед принесут в час пополудни, - сообщила мне женщина и, поклонившись, вышла из комнаты, плотно затворив за собой дверь.

*

В течение следующих нескольких дней, которые я провела в постели, горничная заходила ко мне только лишь для того, чтобы оставить на столике поднос с едой, а после забрать его вниз почти нетронутым, да поменять грелку или перестелить белье. Никогда женщина не пыталась сама заговорить со мной, а на вопросы отвечала уклончиво, а то и вовсе предпочитала отмалчиваться. Лорд Кастанелло не появлялся вовсе. Когда же я поинтересовалась у горничной, зашедшей за подносом, могу ли я увидеть супруга, женщина смерила меня долгим взглядом и сухо произнесла:

- Милорд не имеет привычки ставить нас в известность о том, где находится, миледи. А теперь прошу меня извинить.

Дверь вновь захлопнулась, отсекая меня от жизни прочих обитателей дома, и я устало откинулась на подушки, все еще не чувствуя в себе силы выйти за порог комнаты.

Все это до дрожи, до оторопи напоминало тот, другой огромный

дом, где я оказалась невольной пленницей после того, как, в надежде

расплатиться с долгами, оставшимися после смерти второго мужа, беспечного гуляки Лайнуса, приняла предложение Грэхема Ридберга. После роскошной и пышной свадьбы, предназначенной лишь для того, чтобы пустить пыль в глаза всем сплетникам, распускавшим грязные слухи о, так скажем, нетрадиционных предпочтениях уважаемого господина, Грэхем привез меня в свою загородную усадьбу и полностью потерял ко мне всякий интерес. Наши встречи ограничивались лишь редкими выходами в свет, где мне надлежало производить впечатление довольной и счастливой госпожи Ридберг, не обращая внимания на крепкую, до синяков, хватку, с которой Грэхем стискивал мое предплечье, расточая во все стороны обаятельные улыбки.

Таковы были условия нашей сделки. Господин Ридберг оплачивал все мои немаленькие долги, а я взамен становилась щитом между ним и мнением общества.

В своей усадьбе он не считал нужным притворяться. Мужчины приезжали и уезжали, нисколько не скрываясь, а я старалась не попадаться им на глаза, чтобы не становиться лишним раз предметом презрительных насмешек. Грэхем был мне противен, равно как и его интересы, и в этом единственном вопросе наши чувства были полностью взаимны.

Все до одного слуги знали об увлечениях хозяина и верно оценивали мое положение, подчеркнуто игнорируя существование госпожи Ридберг. Большую часть времени я была предоставлена самой себе, ограниченная в перемещениях садом и библиотекой. Там штудировала все книги университетской программы, которые только могла найти, втайне лелея мечту однажды пройти обучение, получить достойную профессию и перестать, наконец, зависеть от мужчин. Один раз я даже рискнула отправить запрос на заочные курсы, и тем же вечером имела возможность наблюдать, как Грэхем вскрыл, прочел и разорвал письмо, глядя мне в глаза. Казалось, этот небольшой спектакль со мной в главной роли был единственным разом, когда я доставила ему удовольствие за все годы совместной жизни.

Я никогда и никому не пожелала бы такой смерти, какая постигла Грэхема Ридберга во время охоты. Но, стыдно признаться, после его кончины я испытала невероятное облегчение.

Быть может, сейчас, вновь запертая в четырех стенах и забытая обитателями поместья Кастанелло, я расплачиваюсь с судьбой за давние жестокие мысли?

*

В шкафу обнаружилась кое-какая одежда простого кроя,

приблизительно подходящая мне по размеру. В знак траура по Эдвину, я предпочла черное платье. Одевшись и более-менее приведя себя в порядок впервые с того дня, как я оказалась в поместье Кастанелло, я вышла из комнаты. У меня не было часов, но по внутренним ощущениям и положению солнца, ярко светившего в окно, мне казалось, что близилось время обеда. Я рассчитывала в этот час застать хоть кого-то из обитателей дома.

Вынужденное безделье тяготило, мысли в голове не находили разрешения. Для чего лорду Кастанелло нужен брак с женщиной, обвиненной в использовании ментальной магии? Что он намеревается со мной сделать, и почему за все дни моей болезни так ни разу и не появился, чтобы рассказать об этом?

Мои шаги гулко отдавались в тишине дома. Тяжелые двери с коваными ручками были заперты, шторы окон задернуты, не пропуская ни лучика света. Накопительные кристаллы, едва заряженные, погружали коридор в тусклый полумрак, достаточный лишь для того, чтобы различать, куда идешь - и не более. Казалось, в этом крыле дома жила я одна.

Я отодвинула тяжелую портьеру и выглянула в окно, щурясь от белого света, мгновенно ослепившего меня после темного коридора. Когда глаза немного привыкли, я смогла разглядеть парадный вход с двумя полукружьями лестниц по бокам и уходящую вдаль аллею, заканчивающуюся темными воротами. Свежие следы шин чернели на припорошенной снегом дороге, и я испытала укол разочарования. Лорд Кастанелло, скорее всего, недавно покинул поместье.

По обеим сторонам от аллеи раскинулся сад, искусный лабиринт из деревьев и низкого кустарника, оформленных в причудливые фигуры, фонтанами, сейчас безмолвствующими, беседками и скамейками. Снег лежал на дорожках ровным белым слоем, и я решила, что вряд ли кто-то, кроме садовника, имел обыкновение бывать здесь.

Было в этой заброшенной нетронутой красоте что-то притягивающее взгляд. словно воспоминание о прошлой славе рода, по слухам, некогда многочисленного и влиятельного, а ныне состоявшего из одного лишь лорда Майло Кастанелло. Ждал ли этот пустой и холодный дом хозяйку, которая вновь вдохнет в него жизнь?

Впрочем, эта роль явно предназначалась не мне.

Я потянула плотную ткань, занавешивая окно, и продолжила путь. Контраст между миром снаружи - ярким, светлым, огромным - и мрачной пустотой поместья лорда Кастанелло был почти физически ощутим. Одетая в черный шелк, идущая по погруженному во тьму коридору, я чувствовала себя привидением, затерянным среди покинутого дома. Отчаянно хотелось отыскать в поместье хоть одну живую душу. И -я вздрогнула, нестати вспомнив сплетни, ходившие вокруг браков лорда Кастанелло

- желательно, не найти ни одной мертвой. Не встретить настоящего призрака, поверить в которых здесь казалось легко.

Полутемное крыло оканчивалось спускающейся вниз лестницей. С другой стороны от нее располагалось еще одно крыло, столь же темное, как и то, куда поместили меня. Я могла лишь гадать, где должны располагаться покои хозяина дома

- настолько все казалось пустым и необжитым.

Нижний этаж призывно манил теплым светом, но я по-прежнему не видела и не слышала никого из обитателей дома. Я осторожно спустилась вниз, стараясь производить как можно меньше шума, и замерла у приоткрытой двери, откуда выбивался тоненький лучик. Прикоснувшись пальцами к дверной ручке, я потянула ее на себя.

- Миледи, - раздался за спиной незнакомый голос. От неожиданности я одернула руку и отпрянула в сторону. В глазах тут же потемнело: тело, едва оправившееся от перенесенной лихорадки, протестовало против столь резких движений.

Передо мной стоял мужчина, по форменной одежде которого я предположила, что он служит у лорда Кастанелло дворецким. Он смотрел на меня с равнодушием и безо всякого уважения, неосознанно вызывая мысли о слугах в доме Ридберга.

- Что миледи делает здесь?

Я вдохнула и медленно выдохнула, собираясь с мыслями.

- Я ищу лорда Кастанелло.

Дворецкий шагнул в мою сторону так, чтобы двери комнаты оказались за его спиной, и плотно затворил створки.

- Милорд уехал в город, - сообщил мужчина. И, пресекая дальнейшие вопросы, добавил. - Мне неизвестно, когда он вернется. Но я могу передать, что миледи спрашивала о нем.

- Благодарю, - ответила я.

Дворецкий зашагал в сторону лестницы, жестом показав идти за ним. Я покорно поплелась следом, гадая, в чем же причина такой скрытности.

- Позвольте пояснить кое-что миледи, - с нажимом сказал дворецкий. Остановившись посреди лестницы, он заглянул мне в глаза, и взгляд его был полон неприкрытой неприязни. - Лорд Кастанелло не любит, когда кто-то в его отсутствие разгуливает по

дому. Особенно это касается второго и третьего этажа. Он также не одобряет ничего, что будет отвлекать его от привычного распорядка дня, как то совместные обеды, поездки и все прочее. Кроме того, слугам были даны четкие указания следить, чтобы миледи нигде не появлялась без пары перчаток. Которых, как я погляжу, на миледи сейчас нет.

- Милорд мог бы сообщить об этом лично мне, - с трудом скрывая раздражение, произнесла я.

- Вероятно, милорд не счел это необходимым, - дворецкий жестом предложил продолжить путь.

Он шел по коридору, оборачиваясь через каждый шаг, словно бы опасался, что я сбегу, стоит ему лишь на секунду выпустить меня из поля зрения. У дверей моей комнаты дворецкий поклонился и коротко сообщил:

- Обед принесут через полчаса. Дверь закрылась за моей спиной.

Я вздохнула.

Лорд Кастанелло появился вечером того же дня. Коротко кивнул вместо приветствия, размышляя, казалось, о чем-то, со мной совершенно не связанном. Будто визит к супруге, продиктованный данью вежливости, был для него лишь пустой тратой времени.

Вынув часы, лорд задумчиво посмотрел на тускло светящийся циферблат. И тут же впился в меня цепким и внимательным взглядом.

- Что-то не так? - спросила я, сбита с толку его странной реакцией.

Он не ответил. Молчание, долгое и тягостное, повисло между нами, настолько осязаемое, что я слышала, как двигаются в карманных часах крохотные шестеренки, отсчитывая секунды. Бом. Бом. Лорд Кастанелло смотрел на меня, почти не мигая, и сердце испуганно замерло, а затем забилось, обгоняя ровный бой часов.

Что было нужно от меня этому загадочному и пугающему человеку?

Спустя, казалось, целую вечность, лорд отвел взгляд, вновь потеряв ко мне всякий интерес. Я выдохнула, словно бы невидимая рука, почти сомкнувшаяся на горле, ослабила хватку, разжала сведенные пальцы. И вместе с вернувшимся контролем пришла злость. Злость на вопросы без ответов, на выводившую из себя неприязнь, читавшуюся в глазах лорда, на подчеркнутое равнодушие, словно бы я значила в его жизни не больше, чем вещь или инструмент.

Словно бы я и вовсе не была человеком.

- Боитесь уделить супруге лишнюю минуту вашего драгоценного времени, милорд? - поинтересовалась я, вкладывая в вопрос весь сарказм, на который была способна.

- Можете спуститься вниз, - коротко ответил он, захлопывая крышку своей дорогой игрушки. - Ужин накрыт в столовой.

- А вы? - вырвалось у меня. Лорд Кастанелло покачал головой.

- Дела. Прошу меня извинить.

Я не решилась послушаться, хотя больше всего после разговора с лордом Кастанелло мне хотелось запереться в своей комнате и не выходить оттуда, пока экипаж супруга вновь не скроется за воротами поместья.

Столовая была пуста. Светильники источали приглушенный свет, бросая причудливые блики на позолоченную лепнину и рамы огромных картин. Величественные мужчины и женщины, изображенные на темных холстах, безмолвно взирали на меня, и глаза их, прорисованные до мельчайших деталей, казалось, следили за каждым моим шагом, заставляя чувствовать себя неуютно. Стол, способный вместить несколько десятков гостей, был сервирован на две персоны: одно место во главе и еще одно рядом с ним.

Лорд Кастанелло так и не спустился в столовую. Горничная, принеся ужин, поставила передо мной тарелку и без единого слова убрала приборы с места, предназначавшегося для хозяина дома.

Кусок не лез в горло. Снова и снова вспоминая каждую деталь нашей беседы, я все больше убеждалась в мысли, что что-то пошло совершенно не так, как рассчитывал лорд Кастанелло. Случилось что-то непредсказуемое, и я не могла решить, хорошо это для меня или плохо. Мне нужно было понять это и одновременно не хотелось знать ответ.

Мне не спалось. Я лежала в постели, думая о лорде Кастанелло, его женах, гибели Эдвина, Грэхема и Лайнуса, приговоре, заточении, и круг замыкался, вновь возвращая меня мыслями к супругу. Казалось, этому не будет конца.

Вдруг слухи о том, что смерти трех леди Кастанелло не случайны, не просто слухи, и я обречена стать в этом трагическом списке четвертой? Или это все пустое и надуманное, как и обвинения, предъявленные мне?

Что я знала о человеке, ставшем моим мужем? Промышленник, меценат, владелец фабрик и заводов по производству накопительных кристаллов, без которых трудно представить нашу жизнь.

«Современные магические технологии», предприятие лорда Майло

Кастанелло, сделало кристаллы дешевле и доступнее. Раньше лишь аристократы могли похвастаться дорогими магическими артефактами, произведенными на заказ немногочисленными мастерами, тщательно оберегавшими секреты ремесла. Теперь же кристаллы были в светильниках и каминах зажиточных горожан, в лабораториях университетов, в больницах, в заводских станках, на вооружении законников и армии.

Молодые дворяне из обедневших родов жаждали получить назначение на одно из предприятий лорда Кастанелло, где навыкам артефакторов находилось самое широкое применение. В городском университете, где я училась, преподаватели отзывались о Майло Кастанелло как о новаторе, внесшем неоценимый вклад в развитие науки, а студентки мечтательно вздыхали о красавце-аристократе.

А потом лорд Кастанелло женился во второй раз. И в третий. И среди женской половины университета поползли уже совсем другие

слухи.

Яркий луч света ворвался в окно, пробежав по потолку, на мгновение рассеивая ставший уже привычным полумрак, и я чуть не подскочила от неожиданности. Выскользнув из кровати, я на цыпочках подошла к окну, притаившись в тени за портьерой, так, чтобы меня невозможно было увидеть с улицы.

По заднему двору, обычно пустующему, метались лучи ярких светильников. Я различила высокий силуэт дворецкого и еще двоих мужчин, которых не встречала в доме ранее. Они осматривали одну за другой хозяйственные пристройки, и круги света скользили по двору, выхватывая то блестящий бок самодвижущегося экипажа, то стену сарая, то темные свечи высоких деревьев, что росли вдоль забора, опоясывающего территорию поместья. Казалось, они искали что-то - или кого-то - но двор был пуст.

Не прошло и минуты, как внизу появился сам лорд Кастанелло. В полурасстегнутой рубашке, взъерошенный, он был лишен привычного франтоватого лоска и брезгливой отстраненности. Мне показалось, он выглядел взволнованным. Перекинувшись парой слов с дворецким, лорд без промедлений направился в сторону домика у самой границы поместья, который я приняла за сторожку, и исчез внутри.

Мужчины закончили осмотр двора и вернулись в дом, лорд Кастанелло все так же не показывался. Я застыла у окна, не в силах вернуться обратно в постель, пока не узнаю, чем же закончится это таинственное ночное происшествие.

Долго, невыносимо долго ничего не происходило. Я подумала было, что лорд мог и заночевать в сторожке, но тут дверь открылась, и оттуда, заметно пошатываясь, вышел лорд Кастанелло. Он сделал знак рукой, и от крыльца к нему навстречу с плащом в руках бросился дворецкий. Оба мужчины ненадолго зашли внутрь, а когда они вновь

показались на пороге, лорд нес что-то, плотно завернутое в плащ. Расширенными от ужаса глазами я наблюдала, как лорд Кастанелло поудобнее перехватывает свою объемную ношу, направляясь вместе с ней в сторону дома. Луч света, бивший из распахнутой двери поместья, на мгновение выхватил две темные фигуры, прежде чем козырек крыльца скрыл их от моего взгляда, и я захлебнулась безмолвным криком. В неровном свете мне показалось, что сверток в руках шевельнулся. Я разглядела, что рукава и ворот рубашки лорда

Кастанелло забрызганы темными пятнами. И готова была поклясться, что это кровь.

Без сил я сползла на холодный пол, закрыв голову руками. Что же на самом деле творится в этом пугающем доме?

Я пролежала в кровати до рассвета, так и не сомкнув глаз. Снаружи все было тихо. Не металась тени, никто не покидал пределов дома до тех пор, пока ранним утром не приехала повозка, доставлявшая в поместье молоко, яйца и сдобу. Так же, как обычно, на заднем крыльце появилась экономка, кухарка проворно затаскивала корзины в дом, кокетничая с молодым извозчиком. Слово и не было ночного происшествия, словно никого больше не разбудил шум и крики, не удивило, что лорд Кастанелло вернулся из жуткой сторожки на окраине земель поместья весь в крови, неся что-то, до боли похожее на мертвое тело.

Скользнув к окну, я чуть приоткрыла створку, чтобы слышать, что происходило внизу.

- Не запирайте калитку, голубчик, сейчас прибудет еще одна повозка, - напутствовала экономка извозчика, отослав хихикающую кухарку прочь.

- Какой разговор, - откликнулся извозчик с козел, стегая лошадей.

- До завтра, миссис Лене. И передайте мисс...

- Да езжайте уже! - замахала на него руками экономка.

Повозка тронулась и вскоре пропала из виду. Экономка так и осталась на крыльце, провожая ее взглядом. Вскоре к ней присоединился дворецкий.

- Милорд просил спросить, скоро ли, - негромко начал он, но экономка тут же зашикала на него, и мужчина понизил голос так, что я уже не могла разобрать слов.

- Ох, бедняжка, - покачала головой женщина. - Всякий раз, как подумаю, у меня сердце разрывается.

Я вздрогнула? Они говорили о том человеке, который, быть может, покинул вчера сторожку, завернутый в плащ лорда Кастанелло. Или же речь шла обо мне?

- А что, думаешь, милорда-то нашего супружница, - задумчиво проговорил дворецкий, подтверждая мои худшие предположения. Слуги зашептались, перемежая слова восклицаниями вроде «какой

ужас!», «что, думаешь, и ее?», «а она?». Экономка охала, отчаянно жестикулируя, дворецкий отвечал сухо, то и дело поглядывая через плечо женщины на дорогу, ведущую к крыльцу. Я, как могла, вслушивалась в их беседу, стараясь уловить хоть слово, но мое окно было слишком далеко от крыльца.

- Как бы то ни было, ее черед следующий, - веско сказала экономка, и оба

работника замолчали, соглашаясь с чем-то, чего я не сумела расслышать.

Воображение тут же принялось рисовать картины, одна хуже другой. Вот лорд Кастанелло появляется на пороге моей комнаты среди ночи в окровавленной рубашке и, зловеще усмехаясь, приказывает следовать за ним. Вот я замираю у входа в сторожку в одной тонкой белой сорочке, беззащитная перед ледяными зимними ветрами и жутким человеком рядом со мной. Вот запрокидываю голову, с мольбой вглядываясь в его красивое равнодушное лицо, но лорд безразличен к моим страданиям. Дверь с громким хлопком закрывается за моей спиной, отрезая меня от последнего шанса на спасение. И вот я уже словно со стороны вижу, как меня полумертвую поднимают, заворачивают в толстый плащ, и свет меркнет перед

глазами. А вот...

Скрип колес возвестил о прибытии второй, закрытой повозки. Извозчик, на этот раз немолодой и молчаливый, коротко кивнул дворецкому и экономке. Двое слуг, памятных по ночным поискам, вышли из дома, неся перевязанный бечевкой огромный мешок. Плаща не было, но я почему-то была уверена, что это та же неизвестная ноша, что была в руках лорда Кастанелло несколько часов назад. Мужчины погрузили мешок внутрь повозки, извозчик принял деньги и, развернувшись, уехал.

Я медленно и тихо затворила окно. Слухи о безвременной кончине жен лорда Кастанелло казались мне сейчас реальными как никогда.

Стук в дверь заставил меня отпрыгнуть от окна. Сердце стучало так, словно за дверью уже стоял лорд, не пожелавший дожидаться, когда закрытая повозка появится в поместье в следующий раз. Но это оказалась всего лишь горничная, которая принесла завтрак.

- Миледи чем-то взволнована? - поинтересовалась женщина, окидывая меня взглядом.

Я поспешила заверить ее, что все в порядке, и это не более чем последствия недавно перенесенной лихорадки. Не хватало еще, чтобы кто-нибудь заподозрил, что я стала свидетельницей ночного происшествия или утреннего разговора слуг. Горничная равнодушно кивнула и покинула комнату.

У меня кусок не лез в горло, но я старалась вести себя так же, как и обычно, а потому принялась за еду. Проглотила кашу, почти не чувствуя вкуса, потянулась за лежавшей на салфетке маленькой булочкой. И замерла, не донеся выпечку до рта.

Под салфеткой я отчетливо расслышала тихое шуршание.

Свободной рукой я приподняла тонкую украшенную узорами и вензелями Кастанелло бумагу. Маленький свернутый вчетверо кусок бумаги развернулся, словно бы прыгнув мне в руки.

“Беги. Ты следующая”, - гласила написанная ровным, почти печатным почерком записка, подложенная под салфетку.

Я разорвала тонкую бумагу на множество мелких частей и смыла их в умывальник.

Кто же мог подложить мне это послание? Поднос с едой всегда приносила одна и та же горничная, не выказывающая никакого участия к моей судьбе. Этот завтрак, вероятно, собирала кухарка, но с чего бы молодой женщине, кокетничавшей во дворе с извозчиком, интересоваться леди Кастанелло? Конечно, и дворецкий и экономка оба были в это время недалеко от кухни и могли проследить за подносом, равно как и подсунуть записку под салфетку. Но зачем? А если и вовсе предположить, что у кого-то из слуг лорда может быть второй наниматель на стороне, то и вовсе любой из них мог попасть под подозрение.

Но, как бы то ни было, этот таинственный человек, вероятно, пытался мне помочь. Я просто не могла думать иначе, ведь текст записки лишь подтверждал мои собственные неутешительные выводы. Надо бежать! Бежать прочь от этого пустого дома, от мужа,

внушавшего мне безотчетный ужас, и чем скорее, тем лучше.
ж

Каблучки дробно стучали по натопанной смерзшейся земле. Громкий бой сердца отдавался в ушах. Холод вгрызался в руки и щеки, тонкое платье не согревало. Каждый шаг приближал меня к таинственной сторожке, где ночью я видела лорда

Кастанелло, но там, за ней, чуть в стороне, лежал путь к свободе.

Час назад через окно своей комнаты я увидела, как на задний двор

приехала повозка с продуктами. Слуги сновали туда-сюда с коробками, экономка болтала с торговцем. Дождавшись, когда закончится разгрузка, женщина расплатилась и скрылась в доме. Торговец сел на козлы и щелкнул поводьями.

Я проследила за ним, пока он не скрылся из виду. Обнаружить ворота, которыми пользовалась прислуга, мне не удалось, но теперь я была абсолютно уверена, что они есть. Оставалось только надеяться, что там не держали охрану.

По крайней мере, попробовать стоило. Главные ворота, как я уже выяснила, большую часть времени оставались закрытыми, и суровый привратник был вооружен.

Я прокралась в коридор и притаилась за портьерой. Далеко внизу зазвонил колокольчик: слугам был накрыт обед на кухне. И вот тогда-то я и поняла: это мой шанс. Если мне удастся выбраться из дома незамеченной, если ворота для прислуги окажутся открытыми, я сумею уйти. И никто не хватится меня как минимум до ужина.

Вслушиваясь в каждый шорох, я спустилась вниз. Темной тенью проскользнула по гостиной и столовой. Из кухни, едва различимой через щелочку приоткрытой двери, раздавались голоса и смех слуг. Стараясь почти не дышать, я одним прыжком преодолела опасное место и оказалась на улице.

Как я и ожидала, во дворе никого не было. Подхватив юбку, я бросилась вперед.

Темнеющая дорога, утоптанная множеством ног, колёс и копыт, вела прочь со двора, и я бежала, поскользываясь на мерзлой земле, пока за следующим поворотом, скрытым от меня густым кустарником, не показалась злополучная сторожка.

Тут решимость оставила меня.

Шаг за шагом я подходила ближе к невысокому строению из грубого темного камня. Мне было страшно, безумно страшно, но я утешала себя, что сейчас день, что лорда Кастанелло нет в поместье,

что все, кто мог бы увидеть меня, идущую здесь, одну, с намерениями, которые исключают всякую двусмысленность, обедают на кухне, и им нет никакого дела до супруги своего нанимателя. Никто не должен поймать меня.

«Не останавливайся, Фаринта, только не останавливайся!»

Усилием воли я заставила себя сделать следующий шаг. А затем еще и еще.

Дорога вновь вильнула в сторону, и я, наконец, увидела невысокую калитку, ворота и змеящуюся среди деревьев неширокую грунтовую дорогу. Против воли у меня вырвался разочарованный стон.

Заперто!

Не позволяя себе раньше времени впасть в отчаяние, я все же дошла до калитки и попробовала подергать навесной замок, а после - протиснуться через прутья решетки, довольно широкие для девушки моего хрупкого сложения. И тогда поняла, что не учла еще одного, вероятно, решающего факта.

Браслет. Браслет, полученный мной в ратуше от главы городского совета при заключении брака с лордом Кастанелло.

Я смутно помнила события того дня. Но, кажется, лорд Ранье обещал, что в случае, если я нарушу какой-то из пунктов брачного контракта, скрепленного магическими чернилами, костер покажется мне приемлемой альтернативой. К моему счастью, я так и не узнала, каково это - быть сожженной. Зато сейчас я в полной мере ощутила, что произойдет, если я решу покинуть территорию поместья лорда Кастанелло без его на то разрешения.

Ладонь, просунутую через прутья решетки, ожгло болью, столь сильной, словно я схватилась за раскаленное железо. Из глаз брызнули слезы, и я села прямо на снег, сжавшись в комочек и прижимая к себе поврежденную руку. Браслет ощутимо пульсировал, кристаллы, украшавшие его, слабо светились.

Стоило мне вновь оказаться внутри границ владений лорда Кастанелло, как боль ушла. Исчезла, словно ее и не было, не оставив ни одного ожога или иного видимого повреждения. Я на секунду прикрыла глаза, успокаивая сердце и восстанавливая дыхание. Ко мне постепенно возвращалась способность мыслить здраво.

«Это всего лишь боль, - сказала я себе. - Естественная реакция организма. В аптеку часто приходили клиентки, жалующиеся на то или

иное недомогание. Все просто. Узнать симптомы, выяснить причину, а дальше послать за доктором или прописать подходящее снадобье, уменьшающее эту боль».

В моем случае внутренние повреждения, воспаления, ожоги и другие серьезные случаи, требующие вмешательства врача, можно исключить. А значит, эту боль я смогу подавить. Должна суметь.

Собравшись с силами, я вновь потянулась к решетке. Решиться просунуть пальцы между прутьями, зная, что за этим последует, было невероятно трудно. Стиснув зубы и приказав себе не закрывать глаза и не отворачиваться, я закатала рукав платья и одним резким движением выпрямила многострадальную руку.

В первое мгновение я едва смогла остановить себя от того, чтобы бросить эксперименты и вернуться обратно в относительную безопасность поместья. Но я подавила в себе предательскую слабость и, сжав пальцы в кулак, продолжила удерживать руку за границами

ограды.

Энергия, заключенная в браслете, мелкими змейками бежала по коже, растворяясь, не достигая предплечья, которое оставалось в пределах территории поместья. Стараясь сосредоточиться на чем угодно, кроме болевых ощущений, я сконцентрировала внимание на том, чтобы получить как можно больше информации о работе браслета. Я видела, как мелко подрагивают мышцы руки, как побелели костяшки сжатых до судороги пальцев. Я считала удары сердца, до тех пор, пока боль не стала совершенно нестерпимой. На семнадцатом ударе перед глазами потемнело.

Я пришла в себя через несколько секунд и обнаружила, что лежу на дороге, совершенно обессилевшая. Рука ныла. Но теперь я знала достаточно, чтобы хотя бы попытаться сопротивляться последствиям неповиновения пунктам брачного договора.

Что угодно, лишь бы не стать следующим телом, завернутым в темный плащ.

Поднявшись на ноги и отряхнув платье, я побрела обратно. Я чувствовала себя ужасно измученной. Настолько, что чуть было не пропустила момент, когда задняя дверь дома открылась, и во дворе показался мужчина, направившийся к колоде дров. Видимо, обед прислуги подходил к концу. Не помня себя от страха, я бросилась к первому попавшемуся укрытию и притаилась, надеясь, что человек

уйдет, и я смогу беспрепятственно вернуться в дом. И лишь через пару ударов сердца сообразила, что спряталась я в тени той самой таинственной и зловещей сторожки, откуда лорд Кастанелло вышел вчера ночью в окровавленной рубашке.

Я даже сейчас могла различить дорожку бурых следов на снегу, ведущих от запертой двери в сторону дома. Протянув руку, я коснулась одного такого пятна и поднесла пальцы к лицу. Опыта, полученного на службе у господина Кауфмана, хватало, чтобы убедиться однозначно - это была кровь.

Новая волна ужаса захлестнула меня. Я отчаянно желала, чтобы мужчина поскорее ушел, но тот, как назло, вытаскивал поленья из колоды так медленно, словно собирался закончить не раньше ужина.

И в этот момент я услышала в глубине сторожки тихий, едва различимый стук.

Забыв про всякие предосторожности, я сорвалась с места и побежала. На мое счастье мужчину окликнули с крыльца, и он бросил свое занятие, вернувшись в дом. Меня частично скрывал кустарник, и когда я, задыхаясь от бега по скользкой земле, вновь вылетела на территорию двора, там уже никого не было. Я юркнула внутрь, взлетела на второй этаж и, вбежав в свою комнату, без сил рухнула на кровать лицом вниз.

*

Я не знала, как долго я пролежала так. Когда я немного пришла в себя, за окном уже смеркалось. На столике стоял поднос с обедом - видимо, горничная заходила в комнату, но решила, что я сплю. Есть не хотелось. Нужно было собрать волю в кулак и придумать более-менее удачный план побега, но мысли ворочались с трудом. Я заставила себя сесть прямо и проглотить хотя бы пару кусочков, но замерла, так и не донеся вилку до рта.

В дверь кто-то постучал.

Это был необычный стук. Тихие удары, с долгими паузами между ними, словно бы человек за дверью прислушивался, не откликнусь ли я на его зов. Горничная постучалась бы совсем иначе. Значит...

Дверная ручка дернулась и начала медленно поворачиваться.

Незнакомец в коридоре решил не дожидаться моего ответа.

- Милорд! - стук каблуков по коридору и громкий отчаянный шепот неизвестной мне женщины вспорол тишину, заставив меня вздрогнуть и вжаться в спинку кровати. Так там, за дверью, был лорд Кастанелло?
- Что вы делаете, милорд?
Вам нельзя здесь находиться!

Где-то на краю сознания я удивилась тому, что незнакомая женщина считала себя вправе давать указания хозяину дома, но происходящее было настолько непонятным и пугающим, что мысль эта надолго не задержалась в голове, задавленная зарождающимся ужасом.

- Положите нож, милорд, - раздался быстрый, сбивчивый шепот. - Вам просто нехорошо сегодня, приступ скоро пройдет. Позвольте мне подойти к вам. Вот так.

Внезапно раздавшийся стук, похожий на то, что кто-то, отшатнувшись, ударился в дверь всем телом, заставил меня скатиться с кровати и спиной попятиться в дальний угол комнаты. Одновременно вскрикнула незнакомая женщина в коридоре. Я зажимала руками рот, сама не своя от ужаса. Мне казалось, что любой звук из комнаты может спровоцировать лорда Кастанелло на решительные действия. А справиться с мужчиной, вооруженным ножом, я не сумею. Вот и все. И никакая сторожка не понадобится.

За дверью слышались приглушенные звуки борьбы. Оставалось лишь уповать на то, что лорд не убьет эту странную женщину, оставив ее бездыханное окровавленное тело у порога моей комнаты.

- Вот так, тише, - к моему невероятному облегчению услышала я уже знакомый шепот. Совсем рядом с моей дверью раздался глухой удар о паркет. Кажется, лорд Кастанелло наконец-то выронил нож.

Постепенно шум возни затихал. Я выползла из своего укрытия и подобралась чуть ближе к двери как раз вовремя, чтобы услышать звук медленно удаляющихся шагов.

- Вот так, вот так, милорд, - успокаивающе шептала женщина. - Пойдемте отсюда, пока мы не разбудили миледи. Иначе потом...

Все стихло, и коридор вновь погрузился в оцепенение.

- Иначе потом горничные замучаются оттирать кровь миледи с ковра и мебели, - безжизненным голосом закончила я оборванную на полуслове фразу. - Поберегите дорогие портьеры, милорд.

*

Убедившись, что коридор окончательно опустел, я тут же метнулась к прикроватному столику и придирчиво изучила все лекарства, оставшиеся у меня после болезни. Как я и предполагала, баночка с обезболивающим порошком - среднего качества, но, все же, довольно сносным - оказалась почти полной. Я воспользовалась им, быть может, пару раз, когда головная боль и жар казались уж вовсе непереносимыми. Сейчас я могла лишь усмехнуться - разве это сравнится с тем, что я испытала, попытавшись покинуть территорию поместья лорда Кастанелло? Да знай я тогда, что мне придется пережить за последние пару дней, я не притронулась бы к снадобьям, перетерпев болезнь и сохранив все до последней капли.

Но все равно порошка было достаточно для изготовления средства, способного помочь мне продержаться столько, сколько нужно, чтобы убраться отсюда как можно дальше. А там останется только найти человека, который сможет снять с моей руки свидетельство
вынужденных брачных клятв.

В качестве возможных союзников в городе на ум приходили только двое: господин Кауфман и Стеф. Мысль навестить почтенного аптекаря я отменяла сразу же. Во-первых, скорее всего, к нему сразу же направятся с обыском, когда вскрыется мой побег. А во-вторых, именно он в то злополучное утро на площади напомнил о старинном обычае, вытащившем меня из костра. Напомнил - и спустя несколько минут чудесным образом объявился лорд Кастанелло с предложением взять в жены преступницу. Совпадение или нет, у меня были все основания предполагать, что добрый аптекарь как-то связан с лордом. А значит, так рисковать я не могла.

Оставался Стеф, Стефан, молодой талантливый артефактор, которому я какое-то время сдавала комнату на чердаке дома, купленного на деньги Ридберга. Стеф обладал невероятными магическими способностями и настоящей страстью к науке, но при этом был абсолютно нищ. По университету ходили слухи, что он бастард одного очень влиятельного лорда из столицы, но сам парень предпочитал считать себя сиротой и тему эту не поднимал. Я случайно встретила его, когда он, худой и нескладный подросток в поношенном костюме явно с чужого плеча, выпрашивал в деканате любую работу и

захудалый угол в надежде ходить на лекции вольным слушателем. В то

время мне безумно хотелось найти деньгам Ридберга хоть какое-то достойное применение, и я приютила парнишку в своем новом доме, ненавязчиво подкармливала и подбрасывала через господина Кауфмана простенькие заказы по починке и подзарядке кристаллов.

За несколько лет Стеф отъехал, повеселел и, в конце концов, съехал от меня, когда ему, наконец, удалось устроиться ассистентом одного из профессоров, оценивших молодого студента. Я знала, что в благодарность за мою помощь Стефан согласится на любую авантюру, и чем сложнее задача, тем с большим рвением он за нее возьмется. Зубами разгрызет мой браслет, но снимет, а в том, что его магических сил на это должно хватить, я и не сомневалась. К тому же, мало кому было известно о покровительстве, которое оказывала молодому артефактору вдова Ридберг. А значит, вычислить его будет куда как труднее, чем господина Кауфмана.

Оставалось только сделать все, что от меня зависит, чтобы добраться до нового дома мага.

Я принялась перебирать в голове все, что могло бы усилить действие порошка. В моем распоряжении были завтраки, обеды и ужины, туалетные принадлежности и лекарства от лихорадки. Не так уж и много, хотя... если подойти с умом, не так уж и мало.

Я почувствовала, как против воли расплываюсь в торжествующей улыбке. Наконец-то, впервые с того дня, как я оказалась в доме лорда Кастанелло, мой ум был занят настоящим делом. Побег захватил меня, как увлекает сложная задача, прогоняя все страхи и ненужные мысли, и я отдалась поиску решения со всей пылкостью.

Горничная принесла ужин. К моему ликованию, к блюду с жареным мясом сегодня прилагалась щепотка жгучего чёрного перца. Перец не являлся необходимым ингредиентом для моих приготовлений, но я не преминула воспользоваться столь удачным стечением обстоятельств, чтобы сделать еще кое-что, способное взбудоражить организм и немного снизить чувствительность к боли. Еле дождавшись, когда женщина выйдет из комнаты, я проворно смешала перец со сливочным маслом, чтобы удобнее было проглотить его, когда возникнет необходимость, и, скатав липкую массу в пару небольших шариков, выставила за окно на холод, плотно завернув в платок.

Это была самая лёгкая часть плана, не требовавшая применения моих способностей. Сделать средство, подавляющее нервные импульсы и повышающее на время болевой порог, будет куда труднее.

У меня был порошок, вода и накопительный кристалл в светильнике, энергию которого я смогу перенаправить для нагрева.

Было несколько банок из прокаленного стекла. А также рвение и решимость как можно скорее найти способ выбраться из этого жуткого дома.

Да, отдел магического контроля отобрал у меня лицензию зельевара. Но изъять из моей головы все, чему я научилась за время, проведенное на курсах, никто из них не был в силах.

- Что миледи желает на завтрак? - спросила горничная, возвращаясь за подносом и с подозрением косясь на пустые тарелки.

- Сварите мне кофе покрепче, пожалуйста. Я плохо себя чувствую по утрам.

- Как миледи пожелает, - поклонилась женщина. Мне нужен был кофеин. Как можно больше кофеина.

*

Почти всю ночь я провела за изготовлением нагревателя. Вытащила спицы из жесткого лифа платья и кое-как согнула их в подобие гнезда для накопительного кристалла, который я намеревалась днем выкрутить из светильника. После этого мне нужно будет только смешать обезболивающий порошок с кофе и выпарить полученную смесь, одновременно проведя преобразование, чтобы усилить эффективность компонентов.

«Ничто не берется из ниоткуда, - не уставал повторять лектор на курсах теории зелий.

- Для успешного преобразования нужно знать свойства веществ и четко представлять, каков должен быть конечный результат их взаимодействия. Наделять предметы желаемыми свойствами и энергией способны только артефакторы, в которых магические способности развивались на протяжении поколений. Зельевары могут пользоваться лишь тем, что уже заложено внутри объекта».

В первый раз мне предстояло делать преобразование не по учебнику, да еще и в таких условиях. Но выбора не было. Если я не смогу поднять порог чувствительности, чего бы мне это ни стоило, я не сделаю и трех шагов за территорию поместья, не свалившись от болевого шока.

К моей невероятной радости, лорд Кастанелло у дверей моей комнаты больше не появлялся, хотя на ночь я и подперла ее для верности тяжелым столиком.

Крепкий кофе ждал на подносе с завтраком. Я с благодарностью подняла маленькую чашечку и вдохнула горьковатый пар. Один только запах возвращал бодрость после бессонной ночи, но я безжалостно подавила искушение сделать хотя бы глоток. Чуть улыбнувшись, я кивком головы дала понять, что в присутствии горничной больше не

нуждаюсь. Женщина поклонилась и вышла. Со вздохом сожаления я опрокинула содержимое чашки прямо в баночку с порошком, ложечкой столкнув внутрь остатки кофейной гущи, собравшейся на дне. А потом, как ни в чем не бывало, закончила завтрак.

С установкой нагревателя я справилась быстро. Мне легко удалось выкрутить кристалл из светильника и уложить в гнездо, а сверху водрузить баночку, закрепив вокруг нее спицы, которые будут передавать тепло. Активированный накопитель, чей свет более не приглушал специальный плафон, почти ослеплял, зато исправно нагревал моё самодельное устройство. Преодолевая жар, исходивший от кристалла, я занесла руки над баночкой и сосредоточилась.

Я почувствовала связи - тонкие энергии, бурлящие в закипающей смеси. И приступила к работе.

Ладони мелко подрагивали, по лбу и лицу катился пот, то ли от близости раскалившегося накопительного кристалла, то ли от преобразования, требовавшего полной отдачи. Но я ощущала, как постепенно выстраиваются под ловкими пальцами невидимые нити, уплотняются, сплетаются друг с другом, закрепляя и усиливая желаемый эффект в образующейся смеси. После короткого раздумья я придала зелью форму полупрозрачных кристаллов, и вскоре на дне банки позвякивала горсть темных леденцов.

Я отвела ладони от нагревателя и погасила кристалл. Теперь все, что я могла приготовить для побега, было у меня под рукой.

Оставалось только дожидаться подходящего случая, чтобы вновь выбраться из поместья.

Я притаилась возле перил парадной лестницы, наблюдая, как слуги сновали по залу первого этажа, занимаясь повседневными делами. Лорд Кастанелло, вернувшийся некоторое время назад, заперся в своем кабинете. Я слышала его шаги по коридору и хлопок двери личных покоев лорда и по опыту предыдущих вылазок знала, что до самого ужина он вряд ли выйдет оттуда.

- Я заметил, что после возвращения милорда ворота оставили открытыми, -внезапно услышала я голос дворецкого. Я постаралась перегнуться через перила, чтобы разглядеть, к кому он обращается, но говорившие стояли точно под галереей. - Да и еще и привратник взял выходной. Нужно послать туда кого-нибудь...

- Не стоит, господин Альберто, - ответил его собеседник.

Я испуганно вздрогнула и задела рукой низкий столик, едва не выдав своего присутствия. Мне оставалось лишь надеяться, что никто не обратил внимания на странный шум, доносящийся с галереи второго этажа. Незапертые ворота казались мне прямым путем к свободе, и я жадно ловила каждое слово, страстно желая покинуть негостеприимный дом и его странного

и пугающего хозяина.

- Милорд просил передать, что ожидает посыльного, - продолжил все тот же слуга, чьего голоса я не узнавала.

Сердце взволнованно забилося. Медлить было нельзя. Посыльный мог явиться к лорду в любую минуту, а после ворота закроют, и неизвестно, когда еще мне представится такой шанс. Если вообще представится. Приближался ужин, когда горничная непременно хватится моего отсутствия. У меня оставалось не так много времени.

Коридор. Комната. Зажать в кулаке баночку с кристаллами, распахнуть окно, выхватывая с узкого карниза мерзлый платочек, прикрыть створки - кое-как, но какое это имеет значение. И вниз, со всей поспешностью, которую можно развить, если стараться издавать как можно меньше шума.

Тяжелая дверь парадного входа в дом поддавалась с трудом. Вцепившись в ручку, я изо всех сил потянула ее на себя и едва ли смогла приоткрыть наполовину. Но этого было вполне достаточно, чтобы я выскользнула наружу.

Легкий снегопад, начавшийся с утра, к вечеру разыгрался в настоящую метель. Ветер бросал мне в лицо пригоршни колкого снега, и я тут же почувствовала, что холод начинает вгрызаться лицо и руки, едва защищенные тонкими рукавами платья. Я пожалела, что у меня не было с собой ничего теплого, но возвращаться и искать плащ или шаль было некогда. К тому же, своих у меня не было, а становиться воровкой и брать чужие я не хотела.

Обезболивающее должно было начать действовать не сразу, поэтому я вынула баночку и сунула под язык небольшой кристалл - пока один, а потом, по факту, можно будет определить верную дозировку. Леденец получился с легким кофейным привкусом.

«Вот он, вкус моей свободы», - промелькнула в голове глупая, но приятная мысль.

Я замерла на крыльце, вглядываясь в темнеющую аллею. Выдохнула с облегчением: вроде бы, никого. Сад был пуст, ни единого фонаря не освещало дорогу. Мне должно хватить времени и сил, чтобы уйти достаточно далеко, пока слуги или сам лорд не хватятся беглянки.

Стараясь держаться в тени деревьев, я побежала.

Не доходя нескольких шагов до ворот, я торопливо сунула в рот масляный шарик с перцем. Горло обожгло словно огнём, по телу прокатилась дрожь. Я поморщилась и пару раз вдохнула ртом морозный воздух, чтобы немного притупить пожар на языке. Впрочем, я и без того чувствовала лёгкое онемение во всем теле: кристаллы начинали действовать.

Я решительно перешагнула границу земель своего вынужденного

супруга.

Боль была. Начинаясь от закованного в браслет запястья, она быстро распространилась по всему телу, но теперь ее хотя бы можно было терпеть. Долго радоваться успеху я не стала - подобрав юбки, я изо всех сил бросилась прочь от владений лорда Кастанелло.

Поместье осталось далеко позади, огни его были едва различимы между стволами деревьев. Дорога, пустая и безлюдная, вела прямоком в неизвестность. Я была без сознания, когда меня привезли в дом лорда Кастанелло, и сейчас я брела наугад, не узнавая ни единой приметы, не зная, когда же сумею выбраться к населенным местам. Я считала, что если уж я справилась с первой частью побега, то уж как-

нибудь сумею договориться о том, чтобы бедной женщине, чья лошадь сбросила всадницу и исчезла в метели, помогли добраться до младшего брата в городе. В конце концов, у меня все еще оставалось несколько украшений и фамильный гребень Эдвина, и, думаю, он не был бы против, чтобы я использовала их, узнай мой покойный супруг, в каком плачевном положении я оказалась.

Но время шло, сгустились сумерки, и лес погрузился почти в непроглядный мрак, а мне так и не встретилось ни единого экипажа или человеческого жилища. Даже посыльный, которого ждал лорд Кастанелло, не появился на замеченной снежной дороге.

Я продолжала идти так быстро, как могла, гоня прочь подступающую панику.

Магия, вложенная в артефакт на моем запястье, действовала исправно. Чем дальше я уходила от поместья, тем ярче разгорались кристаллы, и тем сильнее становилась боль, волнами разбегающаяся по телу. Первого кристалла, который я проглотила еще на пороге дома, хватило до наступления сумерек, но после этого дела пошли все хуже и хуже. Зажав в кулаке вторую порцию обезболивающего, я мысленно поставила себе цель добраться до вершины ближайшего холма, где дорога делала крутой поворот, теряясь среди снега и деревьев. Это стоило мне немалых сил, последние шаги я едва сдерживалась, чтобы не упасть, сжавшись в комочек и завывая от боли. Казалось, каждый нерв, каждую мышцу моего тела сводило болезненной судорогой почти на грани выносимого. Дрожащими руками я положила под язык маленький кристаллик. Привалившись к ближайшему дереву, я дождалась, когда боль отступит, и побрела дальше, желая преодолеть еще три поворота, прежде чем снова придется лезть за новой порцией.

Ничего не вышло. Я сдалась, едва дойдя до развилки. По моим прикидкам, это расстояние было вдвое меньше того, что мне удалось пройти на втором кристаллике обезболивающего. Поколебавшись, я выбрала правую дорогу, которая была уже, зато следы колес на снегу казались более свежими, и сделала еще несколько шагов. Мое тело было почти на пределе.

Я раскусила еще один масляный шарик и проглотила его, едва

На донышке банки оставалось совсем немного.

Я переставляла ноги в каком-то трансе. Шаг, шаг, еще шаг. Кристалл. Сердце стучало в груди болезненно, рвано, дыхание пополам со стонами вырывалось сквозь стиснутые зубы.

- и перед глазами вместо грязного снега дороги чернеет небо, и ветер гонит хлопья снега, поблескивавшие на свету. Две тонкие полосы, в которых плясали в замысловатом танце крупные снежинки.

- Интересно, - раздался надо мной знакомый голос.

Я не ответила. Зажмурилась крепко-крепко, втайне мечтая, чтобы лорд оказался плодом моего измученного болью сознания.

- Садитесь в экипаж.

Несколько мгновений я боролась с отчаянным желанием подчиниться приказу. Признать, что воля лорда Кастанелло и бумаги, подписанные в городской ратуше, имеют надо мной власть. Я убеждала себя, что смерть лучше бессмысленного и унижительного

существования практически пленницей в родовом поместье

Кастанелло, одиноким призраком, обреченным на скитания по пустым коридорам. Но тело и заложенные в нем инстинкты оказались сильнее.

И я все же сумела, приподнявшись в снегу, повернуться к экипажу. А затем встала и на негнущихся ногах сделала шаг. И еще, и еще. Чем ближе я подходила к супругу, тем слабее становилась боль, оставляя после себя опустошение.

Лорд Кастанелло молча ожидал рядом с открытой дверцей. Стараясь не смотреть ему в глаза, я с трудом, все еще слишком слабая после пережитого, забралась внутрь экипажа. Сев следом за мной, он подал знак водителю, и машина тронулась с места, вновь возвращая меня в мою тюрьму.

Экипаж ехал вперед по заснеженной дороге, выбирая, верно, подходящее место для разворота. Или же лорд Кастанелло хотел наглядно продемонстрировать, насколько далеко было мое спасение. С каждым новым поворотом среди лесистых холмов я с тоской осознавала, какой же глупой и бессмысленной оказалась моя затея. С моим запасом обезболивающего я не добралась бы даже до более оживленной дороги, не говоря уж о человеческом жилье.

Я невидящим взглядом смотрела в окно. Сил не было даже пошевелиться. Лорд Кастанелло, неподвижно сидящий на другой половине заднего сидения экипажа,

безмолвствовал.

Неожиданно машина затормозила. Я чуть повернула голову, стараясь понять причину остановки, и увидела на широкой дороге среди деревьев узнаваемую карету службы магического контроля. Несколько человек уже спешили к нам.

Господин дознаватель постучал в окно с той стороны, где сидел лорд Кастанелло. Супруг вышел из экипажа, оставив дверь открытой. Я подоavinулась чуть ближе, чтобы лучше слышать разговор.

- Лорд Кастанелло, - дознаватель коротко поклонился. - Я бы хотел поговорить с госпожой Ридберг.

- Мне ничего не известно об этой женщине, - холодно ответил лорд.

- Леди Кастанелло, - скривившись, словно от зубной боли, поправился законник. - Могу я ее увидеть?

- Она в экипаже.

Сделав несколько шагов к машине лорда Кастанелло, дознаватель наклонился, пристально разглядывая меня сквозь толстые стекла

очков. Выражение его лица сочетало в себе глубокое изумление и разочарование. Не знаю, что он хотел увидеть в полутьме салона, но, кажется, обнаружить желаемое законнику не удалось.

- Вы что-то хотели, господин дознаватель? - спросила я, с трудом заставив свой голос звучать нормально.

- Что вы делали ночью в лесу, Фаринта? - в свою очередь спросил он, не отрывая от меня внимательного взгляда.

- Выезжали на прогулку, - ответил за меня лорд. - Миледи захотелось пройтись перед сном.

Дознаватель снял очки и окинул меня беглым взглядом. Стоило ему убрать от глаз толстые стекла, как морщины на его лбу разгладились. Мне показалось, что

законник был вовсе не близорук.

- Не похоже, чтобы леди Кастанелло шли на пользу ночные прогулки, - заметил дознаватель, от которого, верно, не укрылась ни моя дрожь, ни круги под глазами, ни помятое и грязное после падения в снег платье.

Лорд оставил это без ответа.

Дознаватель с кислой миной выпрямился, отходя от экипажа, но лорд Кастанелло перехватил законника, преградив тому путь к его карете.

- Осмелюсь предположить, господин дознаватель, что вы здесь с назначенной судом регулярной проверкой, так? - с нажимом сказал он.

- Но не поздновато ли для визита?

Дознаватель посмотрел на лорда Кастанелло и вдруг едко ухмыльнулся.

- Закон не дремлет. Хорошего вам вечера, милорд, миледи.

Быстрым шагом законник направился к ожидавшей карете, делая знак своим людям идти следом. Наш экипаж снова тронулся, набирая скорость. Я кожей почувствовала на себе пристальный взгляд лорда.

- А я уж думал, вы спешили к любовнику, - проговорил он. - Но в таком случае вкусы у вас, надо признать, странные.

Я снова не ответила. Ушедшая боль оставила после себя тяжелую, почти лихорадочную слабость. Тело казалось непослушным и горячим, язык во рту - распухшим.

- Законнику не под силу разомкнуть браслет, - равнодушно уронил лорд Кастанелло. - Не стройте иллюзий. Не верьте лживым обещаниям. Поверьте, вы, лично вы, ничего не выиграете. А вот проиграть можете...

- Жизнь, - едва слышно выдохнула я, повернув голову к нему.

Маленькое облачко пара на мгновение зависло в морозном воздухе между нами. Я моргнула, и оно растаяло.

Как хрупко и скоротечно оказалось все - и счастье, и любовь, и иллюзия свободы. Хватило одной лишь трагической случайности, одного ложного приговора, чтобы вся моя жизнь рассыпалась мелким снежным крошевом.

- Что? - нахмурился лорд.

Я придвинулась к окну и отвернулась, чтобы оказаться как можно дальше от лорда Кастанелло. Магия, заключенная в браслете, слабо пульсировала. Тело ныло, внутренности протестующее скручивало резью почти на грани выносимого -принимать в расчет побочные эффекты самодельного обезболивающего средства было некогда, а они, конечно же, не замедлили проявиться. Да и прогулка в метель в одном тонком платье вряд ли положительно сказалась на моем самочувствии. Я обняла себя руками и потерла предплечья, чтоб хоть немного разогнать кровь и согреться.

- Идите сюда, - негромко произнес лорд Кастанелло. Я скосила на него взгляд, не понимая, чего он хочет.

- Чем ближе ко мне вы будете, тем быстрее пройдет откат от действия вашего браслета.

Я покачала головой. Пододвинуться к лорду Кастанелло, моему супругу и тюремщику по велению суда? Может, еще прижаться к нему в поисках тепла? Нет уж.

Впрочем, мое мнение лорда не интересовало. Осторожно, но твердо обхватив рукой мои плечи, он притянул меня к себе.

- Расслабьтесь.

Я замерла. Внутри бурлила злость - даже в такой малости супруг не оставил мне права на выбор. Я предпочла бы перетерпеть боль, пусть даже из одного только нелепого упрямства, чем оказаться вот так вот прижатой к его боку, к его сильному, горячему телу. Жар ощущался даже через плотное пальто - и, вопреки всему, это было приятно.

Конечно же, лорд Кастанелло оказался прав. Я чувствовала, как боль затухает, мышцы расслабляются. Ладонь супруга грела сквозь тонкую ткань рукава. Мелькнула вялая мысль, что это неспроста, он явно применяет магию, но я слишком устала, чтобы думать, а потому просто позволила себе провалиться в дремоту, пока экипаж, чуть покачиваясь на рессорах, увозил нас обратно в поместье.

Конец ознакомительного фрагмента. Купить полную книгу вы можете на страничке автора: <https://feisovet.ru/магазин/Брак-с-летальным-исходом-Валерия-Яблонцева>